

Убийство русской литературы

Републикация Б. А. ЛАНИНА

Оригинал здесь: газета "Литература", No 36/2002.

"Нам приходится повсюду -- и в литературе -- использовать "спецов", хотя бы они были антисоветскими или внесоветскими по своим настроениям. Но их надо взять под строгий контроль, к ним надо приставить комиссаров". Чем не новый Скалозуб, с его окриком:

... я вам
Фельдфебеля в Вольтеры дам!
Он в три шеренги вас построит,
А пикнете -- так разом успокоит!

И тот же самый г. Степанов имеет бесстыдство писать о жалком положении литераторов и литературы при капитализме. "Плохо было дело, -- говорит он, -- с новыми исканиями и открытием "новых мозговых извилин". Новаторы работали не для удовлетворения старых потребностей, а для создания новых. На них был нулевой спрос. И, значит, предложение капитала, как такового, на эту область литературного производства было тоже нулевое. Этим новаторам приходилось искать покровительства у богатого человека". И г. Степанов не щадит красок для изображения унизости положения искусства, вынужденного прибегать к "буржуазному меценатству", для которого естественно "смотреть на это дело, как на потеху". Но сколько бы ни наговорил здесь верного и даже азбучного г. Степанов, в его устах всё это превращается в ложь и фальшь. Не видели ли мы, как "меценатство" -- только более робкое и скудное -- в советском режиме возродилось в лице отдельных влиятельных людей, в особенности комиссаров, стыдящихся грубой обнажённостью коммунистического самодурства, желающих хоть немного казаться "европейцами" и своим заступничеством иногда спасающих обречённые на жертву начинания в области искусства и литературы? Не видели ли мы, как порою такую роль играет личное вмешательство всё ещё немножко чтимого в Кремле Горького? Или "блаженного" Анатолия Луначарского, когда-то грешившего всякими ересями, вплоть до "богостроительства"? Недаром тот же г. Степанов, с гордостью называющий себя "грубым" и "топорным" коммунистом, не может говорить о Луначарском иначе, как с насмешкой над его миной "удручённого либерала", желающего казаться "интересным, широким, культурным", возвышающимся "над грубой коммунистической толпой".

В "Книге и революции" г. Степанов вменяет в вину капитализму то, что он не давал хода "новым исканиям". И это тогда, когда из официального отчёта Госиздата -- следовательно, от того же г. Степанова -- мы узнаем, что "Госиздат не может предоставлять типографские средства и бумагу на перепечатку художественных произведений, которые и до революции имели ограниченное значение; на издание научных и философских работ, которые дышат буржуазной ограниченностью и к тому же по своему общему характеру найдут крайне малочисленных читателей. И нечего скрывать от себя, может быть, иногда Госиздат не даёт выступить представителям новых исканий, из которых со временем получилось бы что-нибудь ценное и положительное..."

"От себя" гг. Степановы этого не скрывают. В "отчётах", печатаемых "для внутреннего употребления" компартии и советской бюрократии, говорить об этом позволительно. Но в журнале, предназначенном для читающей публики, вроде "Книга и революция", за то же самое надо клеймить капитализм. "Про взятки Климычу читают, а он украдкой кивает на Петра..."

Как-то совестно по поводу таких вещей, как циническое озорство советских Бируковых и Красовских или теоретизирования советских Иудушек и Скалозубов, говорить о великих принципах социалистического мирозерцания. И, однако, нельзя этого не делать.

Когда-то Герберт Спенсер² написал против социализма памфлет под названием "Грядущее рабство". Яркими штрихами рисовал он картину всеобщего закрепощения всех живых сил страны, материальных и духовных, колоссальному спруту -- Государству. Мертвящая централизация всего, плен